

Лев Карлитин

С вами ничего не случится

Более обаятельного бездельника, чем генерал Гомес Умберто Льялос, не было не только в Астрофлоте, но и на всей Гамма-Дельте. Вызов к нему не мог предвещать ничего хорошего. Полковнику показались даже, что электронный часовой слишком уж почтительно взял на караул, когда его скутер причалил к штабу. Не в пасть же к дракону он направляется, черт побери!

Прямо у входа в бункер стоял огромный армейский трейлер. Из-под чехла торпачилось очередное сверхсекретное оборудование, о чем, кроме устрашающего оранжевого цвета, в который было выкрашено это шестиконечное чудовище, свидетельствовали и многочисленные предостерегающие надписи: «Собственность Астрофлота. Не приближаться!» Вдоль брезентового бока трейлера прохаживался сержант-негр и от нечего делать подставлял нежаркому солнцу свою и без того вполне достаточно темную физиономию.

— Сеньор полковник, — сказал сержант, когда Педро поравнялся с ним. — Докладываю: Гульясос ждет вас в тоске и нетерпении.

Конечно, это было совершенно недопустимой фамильярностью со стороны младшего чина, но полковник лишь с большим трудом подавил улыбку — соединение инициалов и фамилии генерала в одно слово давало тому краткую, но весьма точную характеристику: в радиусе ста миль не было ни одной юбки, устройству которой он не знал или не хотел бы узнать немедленно.

— Не забывайте, сержант, — рявкнул полковник, быть может, самую малость слишком всерьез и лишь тут увидел, что на него, разинув рот до ушей, преданно тарачится его собственный бывший водитель Америкго Кристофор Фритьюф Магеллан по прозвищу «Первопроходец».

— Выбалтываю вам Большую Государственную Тайну, сеньор, — сказал он, склонившись к уху полковника. — Этот катафалк предназначен вам, а вы... — тут сержант захватил глаза так, что стали видны одни лишь белки, выпятил свою похожую на раздувшуюся автомобильную камеру нижнюю губу и скорбно покачал увенчанной пилоткой лопухой головой. — а вы, сеньор, предназначены для этого катафалка.

Сержант махнул рукой в сторону трейлера, стал по стойке смирно и отдал полковнику честь.

Этот малый всегда был симпатичен Педро, но не до такой, конечно, степени, чтобы задавать ему сейчас вопросы о причинах его, полковника, вызова к начальству. Любопытно, однако, откуда пройдохе что-то известно? Конечно, его подружка из гарнизонного бара... Ромейро прикусил язык: он ненавидел сплетни.

— Входите, дружище, прошу вас, — генерал Гомес Умберто Льялос энергично вышел из-за стола навстречу гостю и сердечно пожал его руку сразу обеими своими. Его голос звучал неподдельной радостью, улыбка на холемом породистом лице выглядела искренней.

— Располагайтесь поудобнее, старина, — продолжал ворковать он, усаживая Педро в кресло, подвигая ему пепельницу, поворачивая вентилятор так, чтобы он лучше обдувал лицо гостя. — Разговор нам предстоит долгий.

Полковник сколько-то времени наблюдал за всей этой пустопорожней суетой, а потом сказал негромко, но решительно:

— Стреляйте, генерал. Дымовая завеса уже достаточно густа.

Льялос сразу погрузился и поблек. Он привык, что люди, бессознательно стремясь отдалить неприятный момент, помогают ему в его игре. Что ж, полковник Педро Жозеф Ромейро, сорока семи лет, женат, гамма-дельтянин, не судим и так далее, сам виноват во всех своих бедах. Генерал поднял со стола листок бумаги, придавленный пресс-папье, и, держа его на вытянутых руках перед собой, стал читать без каких-либо акцентов, усиленный смысла или хотя бы знаков препинания, как и положено оглашать официальный документ.

Хотя речь шла о нем, полковник слушал невнимательно: с первых же слов ему все стало ясно. «Охотно отмечая несомненный вклад... вместе с тем с сожалением констатируя недопустимость в чисто дисциплинарном отношении постоянного конфликта с руководством... с удовлетворением отдавая дань опыту и честности... в целях стабилизации управления личным составом... несомненно, признавая некоторые позитивные моменты его высказываний... однако, к глаголкум прискорбию, в интересах общего дела... с присвоением воинского звания генерал-майора и правом ношения мундира и именованного личного оружия...» Все эти обкатанные, как прибрежная галька, фразы означали лишь одно: отставка. Значит, постоянные препирательства с начальством не прошли ему даром. Генерал Льялос кончил читать приказ и воззрился

на полковника Ромейро в надежде увидеть на его лице огорчение или хотя бы обиду. Но Педро владел собой безукоризненно. Что-то человеческое промелькнуло во взгляде Льялоса. Он подошел к креслу, в котором сидел Ромейро, и несколько секунд молча глядел на него.

— Педро, — сказал он наконец, — надеюсь, вы не будете возражать, что называю вас так. Так вот, Педро, я вам завидую. Через несколько часов вы станете вольным человеком, а через месяц-другой и вообще забудете обо всей этой неразберихе, которую называют образцовым военным порядком.

— Что же мешает вам, Гомес, — надеюсь, и вы простите мне эту маленькую вольность — последовать за мной?

— А... — генерал безнадежно махнул рукой. — Тема, не заслуживающая разговора. Взгляните-ка лучше сюда, — полуобняв за плечи, он подвел Ромейро к окну.

Педро увидел штабной двор, вход в бункер, несурово огромный оранжерейный трайлер и сержанта, курсирующего в непосредственной близости от него.

— Командование Базы Гамма-Дельты, — сказал за спиной у него Льялос, — учитывая и принимая во внимание, а также стремясь и будучи уверено... одним словом, Педро, дарит вам на прощание Старушку Молли вместе с телегой, на которую она погружена. Единственное, что вам придется вернуть, — это водителя, хотя я лично предпочел бы, чтобы именно его вы оставили у себя. Не считите за бахвальство с моей стороны, но идея передать вам предмет спора родилась в моей голове — после того, конечно, как стало известно, что Старушку списали в утиль. Так что в каком-то смысле ваша правда восторжествовала.

— В таком случае не смею занимать вашего времени, генерал, — сказал Ромейро.

— Гомес, — поправил его Льялос. — И попытайтесь быть счастливым, Педро, несмотря на все наши выходки.

... Хорошо бы, он потрудился вдобавок растолковать, как это сделать.

Поначалу Педро действительно блаженствовал в своем большом доме в Бракиндо, провинция Баяя. Гамма-Дельта не слишком, наверное, напоминала тот кусок Земли, где когда-то жили его дальние предки, но Ромейро ценил попытки Совета Космоса превратить эту маленькую планету в своего рода дальний пригород Рио-де-Жанейро или Буэнос-Айреса. Географические названия, архитектура зданий, валюта, имевшая здесь хождение, государственные институты и масса других вещей тщательно копировали реалии далекой во времени и пространстве жизни людей, чьими отдаленными потомками в большинстве своем были гамма-дельтяне. Это давало обитателям планеты чувство покоя и уверенности в себе, хотя и будило ностальгическую грусть о неведомом им прошлом.

За долгие годы службы в Астрофлоте Ромейро отвык от семьи, да и от нормальной жизни тоже. Ему приятно было ездить в допотопных экипажах, а не носиться на суперсовременных скутерах. Он и секунды не жалел о телевизорах мгновенной связи — старинные телефоны вполне его устраивали. А персональный бластер в первый же день был им разряжен и заброшен на чердак. Теперь Ромейро просыпался когда хотел, брал спиннинг и уходил на реку, или бродил по лесу, или просто сидел на крыльце, глядя в сад и раскуривая трубку. Долгорес не докучала ему своим присутствием — за долгие годы жизни врозь у нее сложились свои отношения с соседями, появилась масса друзей и знакомых, о которых Педро ничего не знал.

Иногда он пробирался в заросли бересклета, куда они с Первопроходцем загнали трайлер, и, взобравшись на платформу, слегка похлопывал Старушку Молли по крутым бокам. В сущности, именно Молли он был обязан своей нынешней жизнью. Эта сделанная по последнему слову техники сурдокамера не один год терроризировала группу астронавтов, готовящихся к сверхдлительным полетам в космосе, обучением которой занимался полковник Ромейро. Молодые, крепкие и веселые ребята, приближаясь к ней, бледнели, словно городская дамочка, впервые увидевшая племенного быка.

Астронавт пробирался, согнувшись в три погибели, через узкий лаз в небольшую, но вполне уютную камеру. Люк за ним автоматически задрался, и в тот же миг раздавался омерзительный хлопаящий звук — вакуум-насосы начинали откачивать воздух из пространства, образованного двойными стенками Старушки Молли. Через несколько минут в камере устанавливалась полнейшая, поистине неземная тишина, которой не дано было нарушаться ничем до тех пор, пока таймер не разблокирует пульт управления. В этом и была изюминка конструкции: испытываемый знал, что даже сам господь бог не властен над полностью автономной системой Старушки и что связь с внешним миром восстановится не раньше, чем пройдет последняя секунда из указанных на табло таймера — как правило, на нем выставлялась цифра 604 800, что в точности соответствовало одной неделе.

Температура, влажность и газовый состав воздуха специальной сверхнадежной аппаратурой поддерживались строго постоянными. Продуманный рацион питания и количество пищи, запасенной в тубах, позво-

ляли забыть слово «голод» на год с лишним. Уровень освещенности поддерживался в строгом соответствии с нормальными земными сутками. Система медицинского обеспечения ловила пульс астронавта, для ее чувствительных электронных ушей звучащий в абсолютной тишине сурдокамеры словно раскаты грома, непрерывно вела всякого рода экспресс-анализы, готовая в любой момент выбросить в приемник аптечки любые нужные пилулы или ампулы, кроме, правда, психотропных, потому что Старушка Молли как раз и должна была выявлять все психические изъяны будущих астронавтов. Обо всем этом ребятам рассказывалось самым подробным образом, и тем не менее почти все они так или иначе, раньше или позже попадали в панику, оказавшись один на один с собственными мыслями и ощущениями. Конечно, ничего из ряда вон выходящего не происходило, и все-таки странно было видеть слезы на глазах крепких, тренированных и закаленных мужчин, слышать, как они часами повторяют одну и ту же фразу, какой-нибудь детский стишок или обрывок глупой песенки. Бывали, хотя и нечасто, истерики, даже с битьем головой о стены, которые в связи с этим сделали потом каучуковыми.

Не раз и не два Педро сам забирался в Старушку Молли, чтобы на своей шкуре почувствовать, что испытывали его воспитанники. Там у него было время подумать. И одна забавная мысль все больше прилипала к извилинам.

Считалось, что сурдокамера подготавливает астронавта к неожиданностям, которые возможны в космосе, что все эти регулярно следующие одно за другим погружения в нее как бы говорят его подсознанию: вот видишь, мальчик, неприятно, конечно, но страшного ничего нет. И какой-то яйцеголовый космопсихолог заключил из этого, что после подобных тренировок перспектива оказаться одному в космосе перестает быть для астронавта пугающей. Если же парень испытаний сурдокамерой не выдерживает, в Астрофлоте ему делать нечего.

Но в каком месте Устава Галактики сказано, что в космосе, даже в самом непредусмотренном и аварийном случае, человек окажется в полной изоляции? Одноместные модули давно уже перекочевали в музей астронавтики. Вероятность длительной потери связи с базой не больше, чем гибели всего корабля. Наконец, и без связи астронавт имеет тысячи возможностей избежать того страшного чувства полной оторванности от всего на свете, которое приходит в сурдокамере, — остаются звуко- и видеозаписи, осмысленная работа на борту, поиски выхода из создавшейся ситуации, когда ты чувствуешь себя не подопытным кроликом, а мужичиной.

И получалось, что Старушка Молли не только бесполезна, но и вредна: вместо того, чтобы закалять его мальчишек, пручать думать о космосе как о родном доме, она калечила их, сеяла неоправданные страхи, а порой и лишала космофлот самых, быть может, способных астронавтов, не умеющих и не желающих смиряться с ником не нужной и жестокой пыткой информационным голодом. И правильно, между прочим, делавших!

Полковник Ромейро изложил свои соображения непосредственному начальству, но понят не был. Он направил рапорт высшему руководству и получил по телефону отеческие увещевания, смысл коих сводился к фальдфейбелской истине об уставах, предназначенных для исполнения, а не для обсуждения. Не уgomинвшись и тут, на годовом инспекторском смотре он пытался донести свою идею до сознания Самого, но не был даже выслушан до конца. Однако оргвыводы воспоследовали почти немедленно. Счастье еще, что за долгие годы работы в Астрофлоте он успел кое-что отложить на черный день, а генеральская пенсия позволяла отлеживать бока более чем комфортабельно.

Однако не прошло и трех месяцев, как благодусное настроение стало покидать Ромейро. Как-то, устав от хождения по лесам и полям и вообще от безлюдства, он решил совершить экскурсию по окрестностям на своем армейском джипе — новую машину для себя Педро приобрел пока не удосужился, а «Понтнак» взяла Долгорес, отправившись по заведенному порядку с визитами к друзьям и знакомым. Ромейро не спеша колесил по уютным узким дорогам, связывающим далеко отстоящие друг от друга владения, — народ в срезал округу Бракиндо жил просторно. Иногда он срезал угол, выезжая на проселок. Толстые лапы деревьев задевали за лобовое стекло, и он непроизвольно зажмурился глазами, каждый раз поражаясь, насколько же силен в человеке защитный рефлекс, не подвластный никакому разуму.

Мощная и надежная, идеально послушная машина, солнце, заставлявшее Ромейро слегка прищуривать глаза, — все это создавало ощущение уверенности, спокойствия, душевного мира. «Похоже, пожелание Льялоса сбывается», — подумал он и тут, выбравшись на лесную опушку, увидел «Понтнак» с хорошо знакомым ему номерным знаком, припаркованный около маленького, почти игрушечного коттеджа. Заранее предвкусив удовольствие от того, как будет поражена Долгорес, увидев его, Педро заглушил мотор и, осторожно ступая, пересек поляну, отделяющую дом от леса. Пряча улыбку, он открыл дверь и вошел в большую и, видимо, единственную комнату.

Лучше бы в этот день ему остаться дома...

Они не устраивали друг другу никаких сцен, тем более, что Педро безо всяких споров перевел на имя Долорес все деньги со своего счета — этого требовало его представление о справедливости, а кроме того, как выяснилось, ее избранник, среди прочих преимуществ, которыми он, очевидно, обладал перед Ромейро, имел еще и незапятнанно-чистую чеховую книжку.

Оставшись без жены, без денег и без работы, Ромейро первые несколько дней бесцельно слонялся по своему ставшему теперь совершенно пустым дому. Ни одна живая душа не заезжала к нему, а телефон молчал так упорно, что, проходя мимо, Педро несколько раз в день снимал трубку, чтобы удостовериться, в порядке ли линия. Самому же звонить ему было решительно некуда — родители его умерли давно, ни братьев, ни сестер, никаких иных родственников он не имел, а все, кого он так или иначе знал, были связаны со службой в Астрофлоте, и общаться с ними у Ромейро охоты пока не появлялось.

Когда же аппарат неожиданно ожил, событие это не принесло Педро радости. Кредитное бюро Управления недвижимостью провинции Байя планеты Гамма-Дельта интересовалось, намерен ли владелец дома погасить числящуюся за ним задолженность или он предпочитает, чтобы иск о выселении его ввиду неполного погашения ссуды был передан в суд, что в соответствии с действующим законодательством влечет за собой в случае неуплаты в месячный срок безусловное и немедленное удовлетворение требования истца... — и еще несколько минут подобно тексту, едва ли предназначенного усладить слух абонента. Когда Ромейро осведомился наконец о величине суммы, подлежащей выплате, то понял, что генеральская пенсия на Гамма-Дельте немногим отличается от пособия по бедности.

Беда любит выезжать на пикник в большой компании. Наутро на лужайке перед домом Ромейро остановился старый потрепанный «Форд» с полустершимся гербом на передней дверце. Из него, кряхтя, выбрался молодой краснолицый толстяк в форме лейтенанта полиции.

— Послушайте, вы, сеньор! — с трудом ворочая языком, произнес он. — Полиции известно все. И поэтому заявляю вполне официально. Или вы уберете к чертовой матери ваш чертов сверхсекретный грузовик, или мы будем охранять его до последней капли крови. То есть, наоборот. Поскольку мы не можем охранять ваш чертов грузовик, уберите его... Иначе к вам будет применен закон о загрязнении окружающей среды.

С этими словами лейтенант сунул ключ в замок зажигания, и в следующий миг черный битый со всех сторон кусок металла уже мчался в визге покрышек по шоссе, мотаясь от края к краю, как на трассе слабома-гиганта.

Самым неотложным делом стали теперь поиски места для Старушки Молли — о выплате ссуды Ромейро пока не думал, для этого впереди была почти целый месяц. Он продрался через заросли бересклета, благополучно проник в кабину трейлера, плотно закрыл дверцу и теперь сидел, держась за огромный холодный руль, размышляя, куда бы запрятать эту игрушку размером с неплохого кита. Педро захотелось услышать басовитый голос многосотильного двигателя. Стандартный армейский планшет с отделением для ключей, карты, воинского предписания и личных документов водителя лежал на своем месте. Педро достал ключ. В окошке пластикового прямоугольника, где должна была находиться бирка с гаражным номером машины, виднелась какая-то бумажка. «Сеньор полковник, — прочел Ромейро, — мой адрес: Илеон, Рорайма, 5727481. Если что, извините, сеньор генерал». Подписи не было, но Педро сразу же представил себе вечно улыбающуюся рожу Первопроходца, и на сердце у него потеплело от мысли, что есть все-таки на свете старое пугало, которому можно запросто позвонить, а то и заехать в гости, хоть оно и служит в Астрофлоте.

— Сеньора Америго Кристофор Фритьоф Магеллан у телефона! — глубокое контральтто отнюдь не желало упускать повода заявить миру о своем существовании. — Хэллоу — повторило оно уже с некоторым нетерпением и оттенком обиды.

Затем в трубке раздалось до такой степени насыщенное эмоциями «О-о-о-о!», что Ромейро в изумлении потряс головой и тут же услышал знакомый бас, грозно вопрошающий с расстояния в сотни миль:

— Кому тут нужен Магеллан?

— К примеру, Педро Жозефу Ромейро, генерал-майору в отставке.

— Слушаю вас сеньор! Приятная неожиданность!

— Послушайте, Риго, — сказал Ромейро, — что вы там делаете у себя дома?

— Да так, сеньор, — сержант несколько замаялся, — в настоящий момент ничего такого, что приносит деньги. С Базы меня тоже вежливо попросили. Я, правда, — Риго довольно хмыкнул, — кой-чего урвал.

— Говорят, вы женились, Риго, — сказал Ромейро.

— А как же! — радостно ответил тот. — Сделал глупость.

— А я вот развелся, — неожиданно для самого себя сказал Педро.

Трубка довольно долго напряженно сопела.

— Послушайте, сеньор, — сказал вдруг Риго. — А не найдется ли у вас места, где можно на денек-другой положить рядышком две подушки?

— Вас устроит четыре никому не нужные комнаты на втором этаже? — в свою очередь задал вопрос Ромейро, в этот момент впервые за долгие дни почувствовал какую-то смутную надежду, что все, быть может, как-то утрясется.

— Отлично, сеньор, — услышал он. — Дорогу я еще помню.

Пожалуй, ему было хорошо, как никогда в жизни. Миранда не слишком утруждала себя стряпней, но они с Риго никогда не были гурманами. Зато целый день можно было бездельничать и сумасбродничать, а вечерами Педро даже скучал, когда они уходили к себе наверх, чтобы появиться только часам к десяти-одиннадцати, — он успевал к этому времени позавтракать и вновь проголодаться.

Риго упорно называл его «сеньор» и «генерал», но Миранда сразу же установила между собой и ним равноправные дружеские отношения. За время работы в гарнизонном баре она насмотрелась полковников и генералов в достаточном количестве и сейчас была рада видеть рядом с собой просто милого и симпатичного ей мужчину, с которым она почти бессознательно кокетничала. Вообще же ее жизнерадостность и легкий нрав вносили в дом милый сердцу Ромейро дух розыгрыша и задора, так что он не раз вспоминал своих «мальчиков»; кое-кого из них Миранда, кстати, знала, так что у них были общие темы для разговоров. Пожалуй, расставаясь с Базой, Риго «урвал» немного больше, чем он, Ромейро.

Но когда Педро поделился как-то раз этой своей мыслью с Магелланом, тот, довольно взглянув на Миранду, произнес тем не менее фразу, знаменовавшую собой новый период в жизни Ромейро.

— Это еще как сказать, — сказал Риго задумчиво. — Мне тут в голову взбрела одна идея насчет Старушки Молли.

Он стоял, почесывая в затылке правой рукой и опершись локтем на плечо Миранды, — огромный, почти черный по сравнению с ее светло-коричневой, золотистой кожей, и Педро впервые увидел на его лице не привычное дурашливо-насмешливое выражение, а какую-то глубоко запрятанную мысль.

— Я тут все прикидывал, как нам разбогатеть. Получается, что Старушка — это просто бочка, набитая стокрузейровыми бумажками.

Он замолчал, и Педро вспомнил, как Риго в последнее время все ходил вокруг трейлера, промеряя его шагами, то расчехлял, то вновь зачехлял Молли, постоянно бормоча себе что-то под нос, но все, конечно, относили это за счет обычных его дурачеств.

— Ну, Риго, не томи, — сказала Миранда. Излишнее терпение не было ее пороком.

— Нет, — сказал Риго, покачав головой. — К чему нам это? Вся наша жизнь рухнет, как только начнем набивать купюрами матрасы.

— Боюсь, она рухнет намного раньше, — с горечью сказал Ромейро.

Ему очень не хотелось вводить их в курс своих катастрофически плохих финансовых дел, но теперь до дня, как дом перестанет ему принадлежать, оставалась ровно неделя. Что если Риго и в самом деле что-то придумал, — скажем, нашел идиота, готового купить Старушку Молли за приличные деньги?

— Тогда, значит, сам господь бог меня надумил, — сказал Риго, выслушав Ромейро. — А идея моя проще тыквенной каши. Чего больше всего хочет человек, дети мои? По-ко-я.

Миранда фыркнула, но Педро промолчал.

— Жизнь стала просто сумасшедшей, — продолжал Риго вдохновенно, как священник в церкви, воздев руки горе. — Достает человека повсюду. Для чего мы спим треть жизни? Чтобы обрести покой. А просыпаемся — его и нет, только снится.

Почему орлы полковника боялись Старушки? Да просто они еще не вступили на Тропу Утрат, им еще каждый новый день и каждый новый человек сулит новую радость. Он залез в Старушку, а самого себя ему мало — да в самом деле, что там есть, в нем самом-то? Показе еще одно ожидание.

Теперь перед нами, дети мои, обычный человек, хоть что-то видевший в жизни, да вдобавок не такой, все заботы которого взяла на себя армия, или мамочка, или еще кто. Чего хорошего он ждет от каждой минуты? Да ничего, кроме новых неприятностей. Он, конечно, живет, но жить боится, потому что в любой миг с ним что-то может случиться.

Спрашивается, раскошелится он, если добрый дядя даст ему честное слово, что приглядит за тем, чтобы ничего с ним не случилось, — за то время, конечно, за которое он отступил бумажки? Отвечается: да он никакой монеты не пожалеет на такое дело. Вот только откуда ему знать, что его не обманут как последнего дурака? Тут мы и объясним ему популярно, как работает наша Старушка, и он сам побегит за нами хоть на Тау Кита, чтобы всучить свою тысячу крузейро.

А каких людей на свете больше — первых или вторых? Тут и спорить нечего. Человечество в целом давно вступило на Тропу Утрат, а уж те, у кого водятся

деньжата, — в первых рядах: дрожат, боятся, с ума сходят, ждут подвоха с любой стороны. И тут, пожалуй, — гарантированный покой в стерильной упаковке.

Ромейро и Миранда смотрели на Риго в немом изумлении.

— Господи, да ты просто философ, — сказала она наконец. — Такого в моей коллекции еще не было.

И стремительно утащила Первопроходца на второй этаж.

Однако утром Риго спустился вниз раньше обычного и в крайне деловом настроении. Он лишь отхлебнул кофе, второпях сжевал хлеб с сыром и сразу же бросился в гараж. Ромейро молча наблюдал, как бывший сержант ковырялся в металлических потрохах своей любимой, не задав ему никаких вопросов и тогда, когда Риго, не говоря ни слова, умчался на ней в неизвестном направлении.

Вернулся он часа через три очень довольный собой. До самого вечера они с Мирандой перешептывались с самым таинственным видом. Педро считал ниже своего достоинства проявлять хоть какое-нибудь любопытство. Вечером, когда они втроем сидели на веранде и делали вид, что им ужасно весело, чета Магелланов вдруг сорвалась с места и умчалась навстречу почтовому фургону. Жестом миллионера, бросающего горсть медяков чистильщику сапог, Риго протянул Педро «Бракино Геральд», гордо ткнув пальцем в последнюю страницу. Ромейро прочел раз, другой, третий, а потом стал хотеть так, что слезы потекли у него из глаз.

В самом центре газетной полосы красовалось обведенное жирными линиями объявление:

Страждущий брат,

плывущий по житейскому морю в утлом челне!

Сколько раз

ты заплатишь по тысяче крузейро,

столько счастливых часов

проведешь в абсолютном покое,

нарушить который не сможет никто в мире.

Аппаратура испытана на астронавтах.

В случае неполного удовлетворения

деньги возвращаются

целиком.

Дорога и проживание — за счет клиента.

Далее следовал адрес и телефон главы фирмы генерала Ромейро.

Риго и Миранда настолько упоены были литературными достоинствами созданного ими совместно шедевра и так верили в его всемогущую силу, что на следующий день решили куда не отлучаться из дома, потому что в любую минуту могли начаться телефонные звонки и заезды жаждущих гарантированного покоя клиентов. Педро, ни секунды не веря в это ребячество, демонстративно собрал все свои спиннинги и отправился с утра пораньше на рыбную ловлю. Когда же он вернулся к обеду, перед домом в нетерпении расхаживал страждущий брат. Свой утлый челн он оставил, видимо, где-то по соседству — на лужайке стоял лишь «Бентли» темно-вишневого цвета. Состоятельность и высокое общественное положение их первого клиента были видны и в том, что он ни о чем не пожелал говорить ни с Риго, ни с Мирандой, а хотел иметь дело только с «самим главой фирмы и ни с кем более», при этом категорически отказавшись назвать свое имя.

Впреки прогнозам Риго, на его чудовищное по нелепости объявление откликнулся почти совсем юнец, но, правда, достаточно потрепанный жизнью. Первые же слова его красноречиво о том свидетельствовали.

— Сеньор Ромейро, — сказал он, слегка дергая головой и заметно заикаясь, — я хотел бы приобрести по указанной в вашем объявлении цене для начала трое суток первоклассного покоя. В последующем, если ваш товар или оказываемый вами сервис окажутся соответствующими лучшим мировым стандартам, я, возможно, стану вашим постоянным клиентом. Однако должен предупредить, что малейшая недобросовестность с вашей стороны для меня абсолютно неприемлема. Покой мне нужен только высшего качества. Должна быть обеспечена стопроцентная гарантия, что со мной действительно ничего не случится. Я готов платить деньги, и немалые, и имею право знать, на что они идут.

— Разумеется, честь фирмы и интересы клиентуры для нас превыше всего, — Педро осторожно подбирал слова, одновременно производя в уме несложный подсчет. Получалось, что если все это не сон, если сделка состоится и если вследствие какого-то недоразумения свалившийся им на голову бракиндский толстосум не потребует потом своих денег назад, то проблему выплаты ссуды за дом можно будет считать решенной. — Мы поставляем на рынок покоя только наилучшей возможной пробы, что гарантируется самим принципом нашей системы.

Авторитетный тон Ромейро, его военная выправка, даже то, что он стоял со спиннингом в руках, с мокрыми волосами и загорелым, спокойным лицом человека, не ждущего ежесекундно ударов судьбы, а наоборот, умеющего предотвращать их хотя бы на недолгое время, — все это произвело на новоприбывшего

благоприятное впечатление. Но он все-таки не был еще до конца убежден, что стоит рисковать временем и остатками веры в человеческую порядочность.

— Правда ли, что до основания фирмы вы работали с астронавтами, — поинтересовался он, — и что будто бы имеете чин генерала ВВС?

— Хотите увидеть соответствующие документы? — спросил Ромейро улыбаясь. Мысль, что эти бумаги могут сослужить еще какую-то службу, его веселила.

— На вашем месте я бы вывесил их в рамке в приемном зале, — сказал Первый клиент, и Педро сразу же решил, что именно так и поступит, если эта дурацкая фирма не лопнет с первого же захода.

Когда они вошли в дом, их ждал уже сервированный на две персоны стол: Миранда, умопомрачительно эффективная в одном из переделанных ею платьев Долорес, превзошла самое себя. Риго несколько тушевался от непривычной обстановки, сыпал своими «сеньор» и «генерал» и выглядел скорее младшим клерком, чем полноправным компаньоном фирмы, но в общей картине место находилось и для него.

— Надеюсь, цены у вас не намного выше, чем в отеле «Хилтон»? — спросил охотящийся за покоем юнец у Миранды, заикаясь больше обычного и стараясь преодолеть нервный тик.

— Всего на десять процентов, — ответила она. — Но обслуживание у нас классом выше.

Владелец «Бентли» не нашелся что сказать и просто положил на стол пять бумажек по тысяче каждая.

...Дальнейшее потребовало от Педро и Риго полной сосредоточенности и координации усилий. Объяснив клиенту, что для подготовки аппаратуры требуется около суток, они отдали его под опеку Миранды, а сами помчались расконсервировать сурдокамеру. По счастью, рассчитанные на многолетнюю службу в тяжелых условиях серебряные авиационные аккумуляторы не потеряли зарядки. Автономность питания, исключая всякое вмешательство извне, была таким образом обеспечена. Они не стали даже пытаться снять Старушку Молли с трейлера, а только расчистили подходы к ней и опробовали все системы. В этих хлопотах прошел весь остаток дня и половина следующего.

После обеда, когда Ромейро сообщил клиенту, что все готово, тот выглядел несколько утомленным, но тик его исчез полностью, головой он почти не дергал и лишь заикался по-прежнему. Очевидно, заботы Миранды пошли ему на пользу.

...Люк захлопнулся, захлопали насосы, начался отсчет времени. Ромейро понимал, что никакого жульничества с их стороны, по сути дела, не было. С этого момента Старушку Молли можно было разве что взорвать, но никакой силы, способной открыть ее люк до истечения заданного времени, в природе не существовало. Замкнутая сама на себя, она полностью выключена была из мира с его страстями и бедами. В этом смысле большей защищенности ото всего, что может случиться с человеком, представить себе невозможно. Но сумеет ли проникнуться этим ощущением их Первый клиент?

Педро, Риго и Миранда приникли к монитору. Человек, от которого зависело не только быть-или-не-быть новой грандиозной сферы услуг, но и, что более важно, иметь ли им крышу над головой, поначалу вел себя настороженно. Он обстукивал стены, тщательно рассматривал каждую заклепку, даже обнюхивал свою кровать и место, где ему предстояло готовить немудрящие космические блюда, выдавливая из тубов их содержимое на пластиковые тарелки. Результаты осмотра, очевидно, удовлетворили его, потому что он, поглазев некоторое время вполне бессмысленно в потолок, лег спать. Компаньоны последовали его примеру.

Утром еще до завтрака они вновь кинулись к телевизору. Клиент благоволит всеми возможными способами: он показывал кому-то язык, делал козу, бил себя в восторге руками по бокам и складывал надвое, залиvisto хохоча. Тексты, которые он произносил, Миранде, наверное, не следовало бы слушать, но она так искренне веселилась, что Педро решил махнуть рукой на некоторое нарушение строгой морали.

Так прошел еще один день, и еще один, а когда засипел врывающийся в промежуток между стенками сурдокамеры воздух и из люка высунулся Первый клиент, на лице его было написано полное довольство.

— Сеньор Ромейро, — сказал он, торжественно пожимая Педро руку, — я считаю, что полученный мною покой стоит тех денег, что за него заплачены, до последнего сентаво. Более того, я намерен сегодня же выступить в телевизионной программе и рассказать о вашей в высшей степени замечательной фирме.

Лишь когда он умчался в своем «Бентли», Ромейро вспомнил, что юнец произнес эти слова как всегда напышенно, но без малейших следов заикания.

Сначала с ума сошел округ Бракиндо, потом вся провинция Байя, затем вся Гамма-Дельта, а может быть, и вся Галактика. «Сожалею, но ранее, чем через полгода, мы не сможем выполнить ваш заказ, и то лишь при условии, что свой чек вы переведете до конца недели», — эту фразу Миранда неустанно повторяла по всем пяти телефонным линиям, которые пришлось провести в дом. Вдобавок в углу круглосуточно стучал

телетайп. Приходили и письма, но даже вскрывать их времени ни у кого не было.

Главная же беда состояла в том, что не осталось телевизионной компании, которая не прислала бы своих головорезов с их лихтвагенами и тонвагенами, ассистентками, секретаршами, режиссерами и помрежами, операторами, осветителями и прочей бесцеремонной, наглой и самоуверенной публикой. Лес вокруг дома, который Ромейро так любил, кишмя кишел теперь народом.

Клиентура у фирмы «Ромейро и Магеллан» складывалась самая пестрая. Задержанные делами бизнесмены, жаждущие передышки от биржевых новостей. Утомленные славой кинозвезды, стремящиеся уйти от мыслей о соперниках, идущих по пятам. Измученные семейными дразнигами супруги, надеющиеся в краткие часы абсолютного гарантированного покоя принять наконец окончательные и разумные решения. Задавленные долгами коммерсанты, заклеванные критиками писатели, истерзанные страхами психопатки, изведенные детьми родители, напуганные родителями дети, люди, бегущие от воспоминаний и всего, что их вызывает, и даже просто преступники, скрывающиеся от закона. И всех их надо было где-то разместить, чем-то накормить и напоить, развлечь, убаюкать, утешить — Риго и Миранда работали как проклятые, омываемые, как и Ромейро, кружевыми дождем.

И все эти дни Ромейро терзала одна и та же мысль. Да, он не ангел, думал он. Увы, это правда. Но и ангел не устоял бы перед мелькающей перед его глазами Мирандой, постоянно изобретающей все более причудливые и все более смелые наряды, в то время как Риго, сделавшийся необыкновенно напористым и удачливым дельцом, носился по стране, создавая фирме рекламу, оформляя патенты на новый товар, предлагая ей, умасливая разного рода инспекции и агентства. Зачем ей понадобился Ромейро? Наверное, в ее коллекции не хватало главы фирмы, а может быть, она по-своему понимала идею делового партнерства. Так или иначе, он заслужил свою нынешнюю пытку — отводить глаза, когда они встречаются с глазами Риго.

«Это последняя капля», — думал Ромейро.

Он ошибался. Последнюю каплю привез разудалый бракиндский таксист примерно неделю спустя.

...За год с небольшим генерал Гомес Умберто Льялос не мог, конечно, превратиться в хоккейную клюшку, засунутую в мешок, — просто штатский костюм очень уж не шел ему.

— Педро, дружище, — сказал он, — злосчастная судьба снова делает меня вестником дурных вестей.

— Стреляйте, генерал.

— Вы все такой же, Педро.

— Но ведь и вы не меняетесь, Гомес.

— К сожалению. Поверьте, старина, мне очень хотелось бы однажды проснуться совсем другим человеком. Честным, например. Или умным. Или хотя бы таким, что не плачется первому встречному.

— Что-нибудь случилось? — без особого энтузиазма спросил Ромейро, готовый выслушать очередную грустную историю и прикидывая, как бы изловчиться и найти для генерала какую-нибудь щелку у Старушки Молли — «урвать», как сказал бы Первопроходец.

— Случилось, Педро. Не со мной — с вами. Коротче, так. Высшее начальство считает, что использование опыта, полученного старшим офицером на службе в Астрофлоте, а также оборудования, являющегося почетным подарком командования, в коммерческих целях, то есть для извлечения прибыли, противоречит моральным нормам, поддержанию которых служит кодекс воинской чести. Не больше и не меньше, Педро, я специально выучил формулировку наизусть. Мне поручено — и я все это лишь исполняя приказ — довести до вашего сведения, что вы лишаетесь звания генерал-майора в отставке и вместе с ним пенсии, не говоря уж о праве носить мундир и воинское оружие. Естественно, вы не будете — в противном случае командование Базы Гамма-Дельта подаст на вас в суд — использовать в рекламных целях ссылки на свою службу в Астрофлоте, уберете с рекламных буклетов, бланков, придорожных плакатов и, вероятно, из сознания ваших клиентов слово «генерал». Ну и еще кое-какие несущественные мелочи — вы все прочтете сами.

Льялос вытащил из внутреннего кармана пиджака узкий конверт и молча протянул его Ромейро. Так же молча тот взял его, аккуратно сложил пополам, разорвал, еще раз сложил половинки и вновь разорвал их.

Они немного помолчали, не глядя друг на друга.

— Вы так чертовски хорошо держитесь, Педро, что меня просто подмывает сказать вам всю правду, — сказал Льялос. — Или хотя бы ту ее часть, что известна мне, — поправился он.

Ромейро опять не проронил ни звука.

— Я понимаю, что вас бесит, — сказал Льялос. — Но все было совсем по-другому. Сражались за вас, сражались. Бились, как тигры. А ваши «мальчики» так и просто ходили на пулеметы по три раза в день. Никто вас не предал и не забыл. Даже я. Пока решение не было принято, сколько мог, строил против него козни и плел интриги. А после специально напросился сообщить его вам — заметьте, тайно и даже инкогнито.

Почему-то мне думалось, что так будет лучше. Представляете, какой гарнир подали бы к такому сообщению газетные бумагомаки!

— Планировалось и такое? — мрачно спросил Ромейро.

— Но сорвалось. Хотя силы были слишком уж неравны. А да черт с ним со всем! — Льялос в сердцах стукнул кулаком по столу. — Знаете, Педро, кто был первым вашим клиентом? Нет? Так вот знайте — родной брат Первой Сеньоры Гамма-Дельты. Он шел верным путем в славенский тихий привилегированный сумасшедший дом, и ждать оставалось совсем недолго. А теперь он абсолютно здоров, развел целую кучу благотворительных обществ, бесплатных клиник и тому подобного, но главное — на вполне законном основании стал единственным наследником капиталов своего недавно скончавшегося отца. У президента на носу перевыборы, а Первая Сеньора может помочь ему разве что хорошим советом. Вы хоть раз видели президента по телевизору?

Педро кивнул.

— Тогда мне вам объяснять нечего, — Льялос встал из кресла. — У разъяренного быка есть хоть кольцо в носу...

«Прошлого у меня нет, будущего у меня нет, настоящего у меня тоже нет, — думал Ромейро. — Жены у меня нет. Детей у меня нет. Что же у меня есть? Счет в банке».

— А знаете, Ромейро, дружище, мне бы тоже не вредно было отдохнуть немного в вашем электронном санатории или, в моем случае, скорее, в палате для буйных помешанных. Думаете, легко быть генералом по особым поручениям? А тут еще какой-то умник разработал для меня версию, будто я несколько... любвеобилен — так мне, видите ли, легче будет объяснять свои постоянные отлучки, да и сбору информации донжуанская жизнь способствует, как никакая другая, это уж я вам по собственному печальному опыту скажу. Ну что вы хлопаете глазами? Кто-то за вами всеми должен же присматривать, если не я, мог бы быть еще и похуже. А у меня, между прочим, семья, трое детей и сеньора Льялос, стоящая их всех, вместе взятых, — я имею в виду: стóящая по затратам.

«Снова деньги, проклятые деньги, — думал Ромейро. — То их слишком мало, то их слишком много. И никогда — столько, сколько надо для счастья».

— А донжуан из меня такой же, как генерал, — продолжал Льялос. — Единственную женщину, к которой когда-нибудь лежало мое сердце, подцепил ваш компаньон. Видел ее, пока шел к вам. Пожалуй, еще похорошела. Надеюсь, это не мешает вашим деловым отношениям с ее мужем?

«Верно, — думал Ромейро. — Друга у меня тоже, надо полагать, нет, а Миранды у меня по-настоящему никогда и не было».

Они подходили уже к Старушке Молли. Был тот редкий момент, когда она отдыхала от очередного посетителя. К аккумуляторам тянулись кабели — они подзаряжались на следующий год работы. Миранда хлопотала у загрузочной тележки, перекладывая в обширные закрома Старухи тубы с пищей и все остальное, что было необходимо, чтобы превратить Молли в крохотный космический корабль, плывущий по времени путем независимо от земных событий.

Ромейро подошел к пульту. Приборы показывали, что зарядка закончена, и он отсоединил кабели. Миранда тоже завершила свою работу и обменялась с Льялосом ничего не значащими любезностями.

Педро поднял с земли пассатижи, оставленные Риго. Какой-то смутный образ возник в его сознании, что-то вроде руки друга, протянутой в трудный момент. Он шагнул внутрь сурдокамеры. В промежутке между стенками жгуты проводов шли снаружи — их не от кого было здесь прятать. Монтажную схему он помнил наизусть: красный и желтый — телекамера, синий и зеленый — сигнал отключения от таймера, вот и весь контакт с миром. Тонкие медные проволочки, окруженные хлорвиниловой трубкой, не оказали стали никакого сопротивления.

Ромейро вышел посмотреть на солнце, которое клонилось уже к закату.

— Послушайте, Гомес! — крикнул он. — Не откажите в любезности нажать вон ту кнопку.

Льялос нехотя оторвался от Миранды и подошел к пульту.

— Эту? — спросил он. — И когда надо жать?

Педро еще раз посмотрел вокруг. Солнце садилось за спиной у Миранды, четко обрисовывая ее силуэт. Он увидел вдруг, что фигура ее слишком грузна, руки непропорционально длинны, а улыбка, еще не успевшая сойти с лица после разговора с Льялосом, скорее уж вульгарна, чем задорна.

— Через десять секунд после того, как я войду вовнутрь, — сказал он Льялосу.

Хлопнул задрывающийся люк, заработали вакуум-насосы.

«Через год будет видно, что делать», — сказал Ромейро самому себе.

Он ничего не хотел и ничего не боялся. Если бы сейчас ветки били не то что по ветровому стеклу, но и прямо по глазам, он не стал бы их зажмуривать.